Кристина Новосельцева
37 ночей

Кристина Новосельцева

37 ночей

«Издательские решения»

Новосельцева К.

37 ночей / К. Новосельцева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834250-9

Ночь — таинственное и сокровенное.Ночь — непонятное и абсурдное.Ночь — то, что проходит за пару секунд и запоминается на всю жизнь. Какая ночь — твоя?

ISBN 978-5-44-834250-9

© Новосельцева К.
© Издательские решения

Содержание

Ночь №1 6
Ночь №2 9
Ночь №3 12
Ночь №4 14
Ночь №5 18
Ночь №6 20
Ночь №7 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

37 ночей
Кристина Новосельцева

© Кристина Новосельцева, 2016
© Анна Медведева, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4250-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обычные ночи становятся необыкновенными.

Именно осенью с наступлением темноты происходит самое чудесное и незабываемое. Каждая ночь этого времени года дарит маленький кусочек другой жизни, обыкновенной и странной.

Ночь №1

Пришла пора ложиться спать. Погасили свет. Стало холодно, ветер заскулил. Комната исчезла. Или разрослась до неимоверных размеров. Она растворилась, или я оказалась вне её. Где-то во тьме. В холоде. Глаза начали привыкать к темноте и различили горизонт, светлеющую полосу ночного неба. На её фоне вырисовывались корявые когти ветвей облетевшего дерева. Вскоре взор сфокусировался на чётких чёрных очертаниях, жутких и ярких. Не совсем ясно было, что это, догадкам не хотелось верить. Хотя, чего и следовало ожидать, это были могильные кресты. Большое и чёрное кладбище. Ветер стал подвывать. Поблизости материализовался кованый забор, огораживающий неизвестную могилу с тяжёлым массивным надгробием.

Запахло взрытой землёй, ветер рассердился. Было ужасно не по себе. Неизвестно, что делать. Не хотелось поворачиваться, разглядывать, идти, двигаться. Хотелось домой. Или, на худой конец, притвориться могильной статуей и не двигаться, чтобы никто не понял, что здесь есть живой человек.

Сухая высокая многолетняя трава бесшумно кланялась кому-то. Каждую секунду ожидание чего-то страшного росло и приближалось безмолвно, но неотвратимо. Холодные когти страха медленно вонзались под ребра. Тело затряслось. Тысячи плачущих голосов стали слышаться издалека. Всхлипывания, рыдания, завывания и хныкание.

Голова закрутилась на 360 градусов, но ничего, кроме тьмы одиноких крестов не увидела. Голоса были лишь в ней, не снаружи. Звучали гулко и отдаленно, но чётко. Потом они заговорили.. Шумно и быстро, страдая и жалуясь, проклиная и моля. Я закрыла глаза и почувствовала, как холодная рука скользнула по моему лихорадочно воспаленному плечу. Резко обернувшись я поняла, что это была всего лишь скользкая ветка ледяного дерева, внезапно оказавшегося позади. Но страх не желал покидать сердце.

– Ауууууу… – послышался уже живой голос.

– Я здесь, – вскричала я, надеясь.

– Ауууу, – голос становился тише, он отдалялся.

Я не хотела потерять хоть что-то живое в этом жутком месте. Сорвавшись, быстро пустилась через преграды, большими и шагами обходила кресты и оградки, мчалась на голос. Но он не повторился более. Светлая полоса на горизонте растворилась во тьме. Стало плохо видно. Ноги замёрзли в холодной грязи. Я обернулась. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Позади стояла моя бабушка.

– Здравствуй! Слава богу, ты здесь.

Она стояла не поднимая глаз.

– Бабушка? Ты пришла за мной? Пошли отсюда. Как хорошо, что я нашла тебя.

Молчание. Я взяла её за руку, и мы пошли. Глаза спутницы не поднимались. Вдруг я поняла, что рука её слишком холодна. Сжав ладонь сильнее я почувствовала, как она растворилась в воздухе. Это был лишь фантом. Кто-то водит меня за нос.

Паника! Невыносимый, физически ощутимый страх пронзил и тело, и мозг, и душу. Я обернулась кругом и увидела младшую сестру моей матери. С осторожностью я пошла к повернутой спиной женщине.

– Это ты?

– Да-да, пошли скорее отсюда. Иди за мной.

Мне стало спокойнее, да и ничего не оставалось, кроме как пойти.

– Бежим, – вскричала она, не оборачиваясь.

Я побежала. Мы проделали долгий путь, прежде чем она резко остановилась. Я чуть не налетела на её спину, но она отступила. Передо мной открылась жуткая разинутая пасть свежей могилы.

– Беги дальше, – сказала тётушка.

Я с ужасом оглянулась на неё. Она наконец повернулась лицом. Всё было в порядке, но глаза опущены.

– Погляди на меня, – попросила я.

Тяжёлые веки медленно поднялись, а за ними была чёрная пустота. Рот расплылся в улыбке, из него расползалась тьма. Фантом медленно растворялся во мгле.

Я осталась наедине с могилой. Туда мне точно не хотелось. Ветер усилился. Завыл. Страшнее было увидеть ещё одного родственника, чем армию живых трупов.

Но никто не появлялся. Я заглянула в могилу, готовая встретить кого и что угодно, но ничего не происходило. Безмолвие.

Безмолвие.

Безмолвие.

Это начинало тяготить. Уж произошло бы что-нибудь! Я устала бояться и ждать. Села на землю, она вкусно пахла. Я взяла в руки жирный ком земли и стала крошить его в руках. Идти было некуда. Кругом – кладбище, тяжёлое и бесконечное. Я разрушила много комков земли.

Вдруг в одном из них нашлось препятствие для моих пальцев. Это оказался точно такой же, как мой, только синий, одинокий, оторванный палец. От неожиданности я вскочила и стала быстро-быстро дышать, чтобы выгнать из себя это тошнотворное ощущение. Я попятилась, но наткнулась на что-то большое и мягкое. Посиневшая, отвратительная, «моя» нога встретилась по пути от могилы. Потом «моя» же рука. Я побежала, боясь увидеть голову.

И вдруг споткнулась, расстелилась по земле и оказалась лицом к лицу с моим лицом. Страшным, одиноким и тронутым тлением – пустые глаза и чернота рта. Захотелось кричать, бежать прочь. Оказаться где угодно, только бы не глядеть в эти глаза. Но моя голова заворожила меня. Я разглядывала свои черты, спутанные волосы, складки губ. Было и страшно, и привычно, и жутко, и спокойно. «Если эти куски трупа – я, тогда кто сейчас думает и боится

за меня, кто бежал, кто оказался здесь, на кладбище? Не я?» – я ощупала свою голову, которая только что продумала эту мысль. Мёртвая же голова спокойно лежала на земле, а живая была точно такой же как всегда. «Что происходит, чёрт возьми? Надо собрать все куски и закопать в ту могилу. Непорядок, что всё так», – подумала я, но не тронулась с места. Не хватало мужества взять эти ужасные части тела.

– Мама, – прошептала я, – мам, мне страшно. Приди, пожалуйста, – я захныкала, как в детстве. Никто не приходил.

– Мам, пожалуйста.

Я закрыла глаза и услышала шепот внутри головы: «Просыпайся, доченька, просыпайся».

– Это сон, мама?

«Конечно, сон, разве такое может случиться по-настоящему?».

Я попыталась проснуться. Не получилось. Я открыла глаза и увидела пустые глаза «моей» головы.

– Мама, это я мёртвая?

«Это прежняя ты. Сейчас ты другая».

– Я буду жить?

«Ты будешь жить долго-долго. Только если проснешься скорее».

Я зажмурилась и открыла глаза – всё по-прежнему.

– Мама, разбуди меня!

«Просыпайся, доченька, пора вставать!»

Чудесное реальное утро рассеяло кладбищенскую тьму и сон улетучился, как призрак.

Ночь №2

Мы бежали – штыки наперевес. Маленькие ноги в больших ботинках, худенькие тельца в деревянных латах на десять размеров больше. Солнце слепило, пыль клубами поднималась с дороги, огромные шлемы загораживали ясным глазам путь. Нас было лишь двое против тьмы чёрных воинов, беспрепятственно приближавшихся к нам.

Наши коротенькие детские ножки мчались им навстречу. Когда наконец мы встретились с армией противников лицом к лицу, все, и они, и мы, безмолвно остановились. Мы подняли штыки вверх и тысячи воинов тьмы растворились в силе нашей храбрости.

Окрыленные победой мы побежали на зеленую поляну, освободились от лат и завалились в мягкий шёлк свежей утренней травы. Звонкий смех непроизвольно лился из уст, мы не могли остановиться. Солнце игралось с нами, щекотало и веселило.

– Давай поиграем в машинки, – предложила маленькая девочка.

– Давай в куклы, – предложил мальчик.

Брат и сестра, они всегда готовы были играть в то, что больше всего нравится другому. Мы не стали играть ни одну игру, потому что всё наше внимание приковало одно существо. Взмахом крыльев оно смахнуло все мысли и полностью завладело нашими головами. Красивая бархатистая чёрно-коричневая бабочка. Такие часто прилетали на полянку. Мы не стали ловить её, лишь замерли, наблюдая. Брат бесшумно подполз ко мне и сказал:

– Вчера она прилетала на то же место. Она кого-то здесь ждёт.

– У неё свидание, – сказала я.

– Скорее, дуэль, – ответил брат.

– Точно, – ответил мой тоненький голос, но в голове пронеслась мысль: «Какая дуэль? Бабочка же девочка!»

Мы лежали на животе долгое время, бабочка беззастенчиво летала практически перед нашими любопытными носами. Мальчик резко вскочил, спугнув сказочную фею, посетившую нашу полянку.

– Ты что?

– Надоела она мне. всё, пошли, нам пора ехать.

Я встала немного разочарованная, но послушно, хоть и угрюмо, направилась вслед за бодро шагающим белокурым и загорелым братом. Кожа его из-за стараний летнего солнца стала почти чёрной, а волосы – наоборот, выгорели и стали почти белыми. Я звала его «Огонёк». Все звали его «Огонёк».

Мы зашли в дедову стайку, в которой уже давно не было никаких животных. Огонёк выгнал наш железный зелёный «Москвич» на педалях. Кожаное сидение вмещало двоих. Педали тоже, как раз было две. Она – мне, вторая – Огоньку. Мы уселись и поехали в горку. Солнце освещало нам путь и «Москвич» беспрепятственно, хоть и с трудом, выбрался за пределы двора. Он повез нас на заправочную станцию, где работала бабушка. Неожиданно огонькова педаль перестала работать.

– Ты что? – возмущённо спросила я.

– Я цветов бабушке нарвать.

– Тогда я пошла за печеньем, а то что ей есть там?

– Хорошо.

– Только ты без меня не уезжай.

– Уеду!

– Нет!

– Да ладно, я пошутил.

– Поехали вместе за печеньем?

– Нет, мама увидит, что мы из двора уехали. Ругаться будет.

– А как я у неё печенья попрошу?

– Скажи, Женьке вынесу.

– Она скажет: «Идите дома чай пить».

– Ладно, без печенья поедем. Цветов хватит.

– С ними, что ли чай пить?

Мы захохотали. За печеньем вернуться не решились. Сели в «Москвич» и погнали. Букет из ромашек и каких-то жёлтеньких цветов ехал с нами и торжественно молчал.

Вот мы и на финишной прямой – перед нами бабушкина заправка: большой белокаменный храм детства с таинственной тёмной комнатой, куда можно зайти только с фонарём. А ещё там есть комната, где много-много растений и стоит трёхметровый кактус. Настоящий. Как в пустыне.

– А я в пустыне был!

– Когда?

– В прошлом году.

– Врёшь.

– Нет.

– А я почему не знаю?

– А мама сказала никому не говорить. Через десять лет рассказывать можно.

– Врёшь!

– Не вру!

– Не врёшь. Обманываешь!

– Не хочешь – не верь.

– Ну и как там, в пустыне?

– Как-как. Песок.

– И всё?

– И кактус стоит большой. Трёхметровый.

– Зачем туда ездить, если у бабушки на заправке такой же растёт.

– Ты не понимаешь.

– Объясни тогда.

– Ты не поймёшь.

Мне стало обидно. Я прекратила жать на педаль. Огонёк не стал ничего спрашивать, просто начал жать на обе педали. Машина ехала. Я сидела надутая. Брат остановил «Москвич» и вышел. Я не шелохнулась.

– Что сидишь? Пошли.

Молчание.

– Ну и сиди, я пошёл.

Слезы начали вскипать на моих маленьких глазах.

– Да пошутил я про пустыню, пошутил! Никуда мы не ездили. Всё лето тут были, что не помнишь?

Мне всё равно было обидно.

– Ну прости.

– Мне обидно, что ты сказал: «Ты не поймёшь».

– А что я мог сказать, я же сам не знаю, что там в пустыне и зачем туда ездить, вот так и сказал. Пошли к бабушке.

Ночь №3

Большая дорога. Велосипед быстро-быстро мчит меня. Так тепло и солнечно, что я закрыла глаза и чувствовала пригревающие крылья солнца на щеках, несмотря на то, что ласковый игривый ветер старался скинуть эти крылья и заполонить собою всё вокруг. Золотистое летнее утро купалось в июльской сочной зелени и развевало вокруг себя парашютики добра, словно оно – одуванчик.

Дорога шла вниз, а впереди виднелся крутой подъём. До него было далеко и я наслаждалась беспрепятственным движением, маятник моей души внутри раскачался до такой степени, что стал невидимым и готов был уже раствориться в воздухе, но что-то задерживало его внутри, чтобы я смогла ехать и ехать и проживать этот полет.

Мои глаза познакомились с колосистым полем, почему-то оно было золотисто-пепельным, ярким и таким осязаемым, как я люблю. Из-за круглого поля выглядывало тёмно-синее небо, оно несло своё величие спокойно и гордо. Эта густая и лёгкая синева, словно вдохновенный взмах кисти, переставала сердиться на середине неба и перерастала в организованные припечённые снизу и обласканные солнцем сверху облака. Они лёгкой походкой шествовали по заспанному сутра небосклону, мягкому и всепрощающему. В той части небесного царства, где полноправно хозяйничало солнце, шутливо и легкомысленно кружились лёгкие белые облака-перья, опавшие с какой-то огромной белоснежной космической птицы. И весь воздух был плотным, нёс и кружил какие-то частицы лета, травы, неба, одуванчиков, деревьев, золотистого пуха и дорожной горькой пыли.

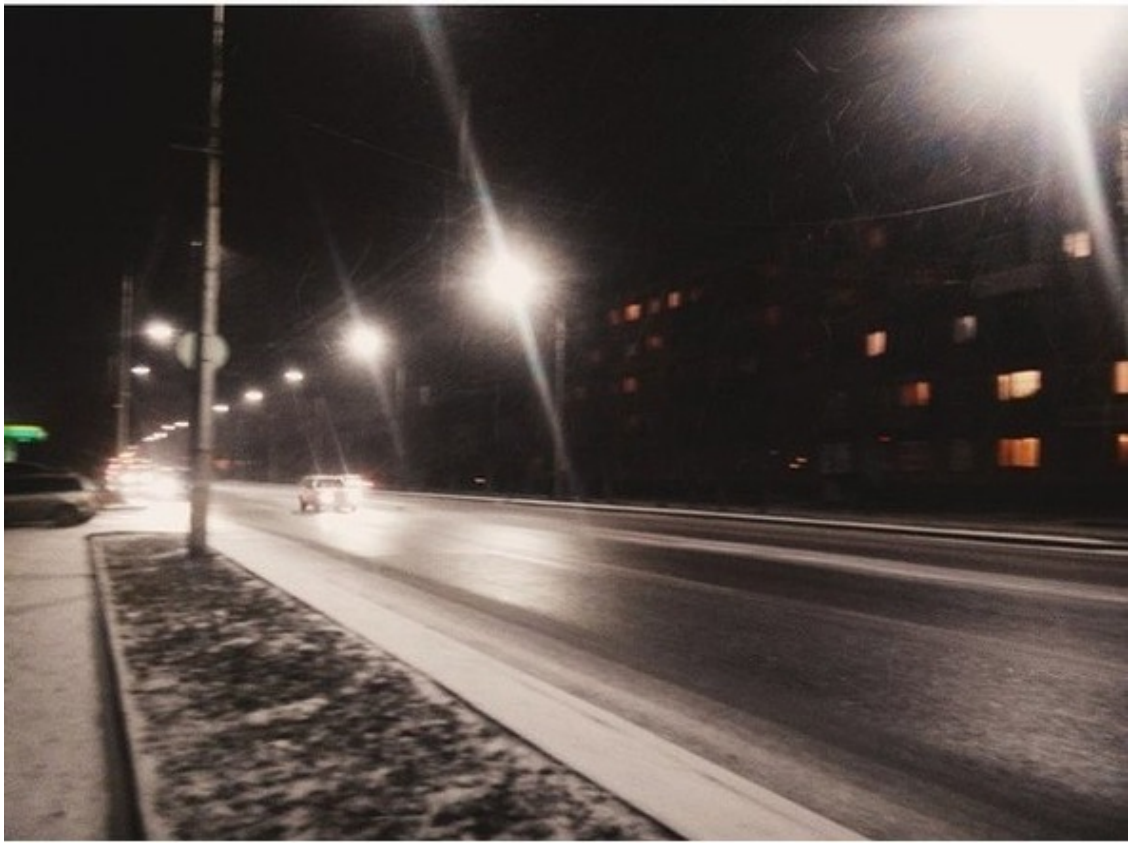
Старый красный велосипед с обшарпанной рамой и корзинкой нёс меня так, словно плыл по глади воды, а не ехал по асфальту старой трассы. Ветер игрался моими волосами и обнимал мои пальцы, вытянутые навстречу ему и приключениям.

Я неслась так быстро и легко, что ещё чуть-чуть и, кажется, могла бы взлететь. Поворачивала лицо солнцу, могла отпустить руль с полной уверенностью в том, что мой чудо-

велосипед будет бережно нести меня в потоках Вселенной, и ни за что не даст земному притяжению оставить следы своих объятий на моём теле. Я была одна, и со всеми, каждой клеточкой себя чувствовала, как огромен мир и как динамично, словно на велосипеде с нескончаемой горы, движутся, живут клетки каждого человека.

Как души сообщаются друг с другом, преодолевая расстояния, принципы, обиды, неизвестность, стереотипы, сложности и даже полную безнадёжность. Они действуют как листва леса, что растёт по правую сторону от стремящегося в неизвестность старого красного велосипеда. Маленькие частички огромного дерева перешёптываются друг с другом, передают приветы соседним деревьям и показывают свою блестящую белую изнаночную сторону миру, чтобы и самим понять, какие они. Большие солнечные цепи обнимают каждый листочек отдельно и всё дерево целиком. Как любовь.

Ночь №4



Я открыла глаза. Наполовину. На этот раз я оказалась в автобусе. Яркий неуютный свет, полупустой салон. Жёлто-синие сидения, ярко-жёлтые поручни. Моя голова словно склеенная скотчем стеклянная ваза – болезненная, хрупкая. Она прислонилась к прохладному окну, запотевшему от дыхания. Шея и подбородок обмотаны шарфом, руки обмундированы в вязаные перчатки болотного цвета. Глаза так и не хотят открываться больше, чем наполовину, боятся пораниться ярким светом. Кажется, такой горит в морге, или на операционном столе.

Я засунула руки в пустые карманы. Деньги не захотели появиться там, даже когда я сняла перчатки. Ситуация была не из лучших и кондуктор вежливо, как взбесившаяся ворона, попросила меня удалиться из помещения. Да пожалуйста, только остановите автобус.

– Двери всегда открыты, выходите сейчас же.

– Прыгать мне, что ли?

– Вон отсюда!

Я встала с сидения. У меня были очень длинные ноги, и вообще, судя по всему высокий рост. Но себя я ещё не видела – как я выгляжу? Мне стало интересно, а в автобусе – скучно, и я решила прыгать. За окном было темно и слякотно. Вереница фонарей отражалась в блестящей, словно нефть, грязи. Я прыгнула. Встреча с землей оказалась не совсем удачной, ведь я не привыкла прыгать на таких длинных ногах, да ещё и с движущегося автобуса. Правая нога поскользнулась, по-приятельски подбила левую и устроила моему плечу внезапную встречу с обочиной дороги. Инерция, доставшаяся от благожелательного автобуса дала возможность телу прокатиться по земле всеми боками и благополучно остановиться на левом.

Я была ужасно грязная, ужасно. Заморосил дождь. Перчатки стали мокрыми и чёрными, а не болотно-зелёными. Руки сквозь них тоже запачкались, поэтому вытирать измазанные щеки не было никакого резона. Что поделать, я встала и пошла. Оказалось, что выпрыгнула я на мост. Большой, длинный и увенчанный двумя рядами фонарей: нижний излучал теплый, рыжий, сочувствующий мне цвет; верхний надменно изливал белый, просветлённый, но холодный, неуютный свет. Внизу мирно мокли рельсы и шпалы, никаких запоздалых или скорых поездов не шло, и, слава богу, никакой реки там не текло, это было бы последним ударом.

Мои длинные ноги пошли, увязая в грязи и смачно ею почавкивая. Глаза расматривали незнакомый город, образованный кучками кривых серых хрущевок, новых высоток и больших магазинов. Эти кучки были перечеркнуты и разделены однообразными фонарными реками, изредка перебитыми порогами светофоров. Вся эта картина ничего не обещала мне. Впрочем, я и не знала, куда иду, чего хочу, зачем я здесь. Только чувствовала необсыхающую грязь на щеках, руках, одежде и ботинках. Видок у меня был ещё тот, наверное. Мост всё не заканчивался, мыслей в голове не было.

– Де-евушка!

На мосту никого кроме меня не было, скорее всего, окликали меня. Но если никого вокруг нет, кто же кричит? Внизу на путях тоже никого.

– Девушка, постойте!

В первый раз голос был нейтральным, но вторая реплика прозвучала ближе и как-то жутко. Никакой угрозы в голосе не слышалось, но он стал ниже и тише.

– Остановись. Остановись! Стой!

Голос стал хрипеть ближе, я запаниковала, длинные ноги понесли меня быстрее, голова крутилась на 360 градусов и лихорадочно работала, а мост всё не заканчивался.

– Остановись!

Это было сказано властным тихим хрипом метрах в пяти от грязной испуганной меня. Я восприняла это как команду: «Марш!», – учитывая, что две предыдущие реплики можно расценить как: «На старт, внимание…» – и побежала, с каждым шагом набирая скорость. Мокрая грязь впивалась в ботинки, пыталась меня остановить. Фонари начали плавиться и кидать «головы» из стороны в сторону как раненые динозавры. Свет замигал беспорядочно, как на сельской дискотеке, а побег стал вдвойне трудным. Я обернулась и увидела, как мост тает позади, словно пластилин под настольной лампой и все цвета смешиваются, грозя засосать меня в эту вязкую мешанину. Голос крикнул издалека:

– Стой, дура!

Это был злой, рассерженный возглас, похожий на рык тигра с повреждёнными голосовыми связками. И тут меня понесло – грязь закончилась, я ступила на мощёную улицу неприветливого города и побежала что есть сил. Спустившись в подземный переход (именно туда вела мощёная дорога), я обнаружила бомжа, сидящего возле безымянной двери.

Он был одет в чёрную дубленку с вывернутым бараньим воротником, перевязан красным шарфом, на концах которого красовались зелёные полосы и кисти. Голову мужчины прикрывала чёрная шапка с крупными катышками, а ноги были обуты в тяжёлые кирзачи. Он не просил милостыни и вообще не реагировал на происходящее. Впрочем, судя по всему, до моего появления он был здесь один.

Я забежала в безликую дверь, быстро задвинула щеколду и оказалась в общественном туалете. Первым делом подбежала к раковине, возле которой не было зеркала, включила воду и засунула под неё руки прямо в перчатках. Вода текла очень медленно, но грязь смывала. Я сняла перчатки, закрыла глаза, набрала в руки воды и омыла лицо. Как только ладони соприкоснулись с лицом я почувствовала, что руки несли не воду, а что-то жирное, склизкое и противное. Я попыталась открыть глаза, но не смогла этого сделать. В темноте век я

пыталась нащупать кран, но его нигде не было, я стала тереть глаза. Бесполезно. Я стала тереть их сильнее. Глаза не открывались, лишь по лицу размазывалась жирная жижа, натёкшая из крана в мои доверчивые руки.

Позади раздался стук в дверь. Мои ногти стали раздирать веки. Бесполезно. Стук превратился в лихорадочное дёрганье двери, я с силой взялась за ресницы и дёрнула их, а сердце дёрнула резкая боль. В тот же момент чья-то рука сильно дёрнула дверь. Мои глаза стали видеть сквозь затуманенную жёлтым цветом щель, образованную отсутствием ресниц. Я разглядела ещё одну дверь, ведущую к кабинкам, заскочила за неё и закрыла щеколду. В этом помещении было окно, и я, подгоняемая звуками хруста предыдущей двери, не раздумывая прыгнула в него.

Оказалось, окно было на расстоянии второго этажа от земли, несмотря на то, что туалет располагался в подземном переходе. Моё приземление (уже второй раз за ночь!) было очень неудачным. Мало того, что глаза не открывались и видели сквозь затуманенную жирной жёлтой жижей щелку, стопы жёстко встретились с неприветливой землёй и передали эстафету коленками, прокатившимся по мелким острым камням. Инерция от падения задействовала мои грязные ладони, которые были так скользки, что не удержали тело. Прыжок завершился сильным ударом головы о землю. Боль множественно отдавалась в голове, но ее рассеял крик из туалета:

– Стой!

Я подскочила и прижалась к стене дома, из которого выпрыгивала. По стенке я стала пробираться вбок. Дом оказался круглым. Обойдя его на 180 градусов я увидела перед собой поле, усеянное такими же кирпичными двухэтажными домами, круглыми, с единственным окном и конусными жестяными крышами из которых почему-то торчали одиночные антенны. Я подняла голову, увидела, что надо мной нет окна и побежала за другой дом, а потом за следующий. Моста не было, перехода, через который я попала в туалет и в помине. Дома, дома, дома. Голос тоже пропал. Я успокоилась. Пошла медленнее. Дома стали гуще, словно я вошла в кирпичный лес. И заблудилась. Я оказалась в окружении круглых домов, стоящих кругом, а в центре круга – я. И тут раздался голос:

– Стой, где стоишь! – и рассмеялся.

Как говорится, мне «будто ножом по спинному мозгу» провели, и я побежала сквозь лес домов. В одном из этих кирпичных близнецов была дверь, в которую я не раздумывая заскочила. Там оказалось что-то в роде метро. Эхом отдавались шаги моих длинных ног. Из улицы закричали:

– Остановись!

Я сделала обратное. Кафельный пол и стены издавали странные ритмичные звуки-вибрацию, а потом завели меня за угол из-за которого вышла целая орда бомжей, одинаковых и похожих на того, что сидел возле безымянной двери. Я хотела закричать, но не смогла. Этого и не понадобилось. Они строем прошли мимо, не обращая никакого внимания ни на что. Голос заботливо прошептал из-за угла:

– Никуда не уходи.

Он снова стал тихим, кровожадным, и пускал в кровь какой-то яд вместе со звуковыми волнами. Я побежала, а мои глаза совсем раскрылись, стали лучше видеть и тут же заметили чёрную дверь, за которую меня спрятала щеколда, защёлкнутая моими руками. Из-за двери вновь послышались звуки приближающейся орды бомжей. На полу лежало бездомное одеяние, точно такое же, в которое был одет каждый из марширующих бомжей. Из-за другой двери, ведущей в неизвестность послышался голос:

– Вот мы и встретились.

И дверь стала издавать звуки ударов. Я быстро надела на себя валявшийся на полу «наряд» и выбежала в армию бомжей. Они сейчас же остановились и повернули тысячу оди-

наковых лиц прямо на меня. Потом хором развернулись и стали идти, запирая меня в живое кольцо, глядя пустыми глазами. Я вжалась в дверь из-за которой послышался жуткий ласковый голос:

– Тебе ничего не остается – заходи.

Мне действительно ничего не оставалось, кроме как проснуться.

Ночь №5

Мой муж любит другую женщину. Я знаю, что такое любовь, ведь сама люблю его всю жизнь. Такое ни с чем не спутаешь. Я подспудно чувствовала, но поняла только сейчас, что меня он не любит – он был просто влюблен. Все эти годы. Мы ходили, как пара подростков, которая только щупает пальцем любовь как воду – подходит ли она для купания. Вечно счастливые. Цветы, сюрпризы, театр, ночные прогулки.

Хотя бы я ценила каждый миг, хотя бы я не зря это потеряла, хотя бы у меня в жизни была большая любовь. Правда, с моей стороны. И, к сожалению, она ещё не умерла, да и никогда не умрёт – на то она и любовь. Нельзя скрывать от себя очевидные факты. Однажды мы смотрели фильм, где жена спросила мужа: «Ты до сих пор её любишь?», – «Кто тебе это сказал?» – возмущённо спросил он. «Твои глаза». И здесь также. Не думала, что такое случится со мной.

Сижу возле зеркала – предо мной симпатичная женщина сорока пяти лет, которой и не припишешь такой возраст первого взгляда. У меня красивые аристократические руки с длинными пальцами – он всегда восхищался их изяществом. Чью голову теперь им гладить? Мягким подушечкам какие перебирать пряди? К чему теперь мои лёгкие прикосновения?

Самая большая ошибка в моей жизни, что я не родила ему ребёнка. Или себе. Главное – от него. Может быть, он бы тогда и не смог влюбиться в неё? Нет, это неизбежно. Любовь – это что-то предназначенное свыше. Ребенок был бы только ещё одним пострадавшим в этой истории.

Всё так, как должно быть. И всё-таки у малыша была бы я, да и отец не бросил бы его – никогда, в этом я могу быть уверена. Какая я была глупая! Почему у меня нет ребёнка? Ещё несколько лет назад было бы не поздно. У меня сейчас был бы кудрявый ягнёнок, счастливый, сияющий, с заливистым смехом. Способный к математике, как отец.

У меня стройная фигура – очень, ведь я ни разу не вынашивала ребёнка. Длинные ноги, тонкие руки, благородная лебединая шея, правильная форма лица. Все восхищаются моими большими синими глазами и правильным тонким носом. Губы пухлые, чуть меньше, чем нужно для такого лица, поэтому кажется, что я всё время смущаюсь. Замечательная внешность для сорокапятилетнего подростка. Лицо у меня даже сейчас свежее, ведь я не плакала.

Глаза мои такие же томные и ясные – только что-то погасло в них. Зрачки больше не выпускают в мир «теплые ласкающие искры», как говорил мой муж. Я говорю «мой муж», чтобы ещё хоть как-то обозначить нашу связь. Кроме слов, у меня ничего не осталось.

Нет, он не ушёл. И не знаю, уйдёт ли вообще. Он, похоже, и сам не понял, что случилось. Счастливый большой ребенок. Сначала я тоже не хотела верить – всё искала объяснения его поведению. Хотя, в поведении так ничего и не изменилось. Только счастье и тайна наполняют его. Невозможно не заметить. Прошёл уже год – пришла пора сказать себе – мой муж любит другую женщину.

Она – невысокая пухленькая короткостриженая блондинка с серыми глазами и вздернутым меж двух пухлых щёк носом. Кожа жирная, лоснится, с широкими порами. Она производит впечатление приветливой булочницы или мороженщицы. Игривая чёлка чуть прикрывает блестящие смеющиеся глаза.

Она не лишена привлекательности. Но ведь речь не о внешности. Я видела её пару раз – и с первой же встречи, когда мой муж представил нас друг другу, я почувствовала, как в районе солнечного сплетения что-то тревожно встрепенулось. С этого дня я всё-таки бывала счастлива, я постаралась забыть этот укол.

Потом, когда он стал мечтать уже не синхронно со мной, был счастливым обособленно, я всё поняла – но только нутром. Закрывала глаза на его разговоры о ней. Он очень редко упоминал её имя. Но ведь человек может часами рассказывать о чём-то, не испытывая чувств, и ты это забудешь, а одно слово, сказанное с чувством, может запомниться на всю жизнь.

Наверное, теперь он думает, что и не жил раньше. Сейчас он живет обновлённым, его жизнь «обрела смысл». А я? Должна быть счастлива, оттого, что счастлив он? Должна. Но, наверное, я слишком сильно люблю себя. Раньше жизнь меня не била – текла спокойно, сладко, счастливо. Теперь – ничего, по сути, не изменилось. Всё так же.

Только я чувствую, что её образ вытесняет моё любое присутствие. Мы также гуляем, ходим в кафе, танцуем по вечерам, смеёмся. Но он ускользает. Теперь для меня он – автомат, хотя сам этого не понимает, бедный, изображает пылкого влюблённого, которым был когда-то.

Больше нет сил. Чувствовать себя ненужной – не для меня. Да и, чёрт возьми, я люблю его! Любовь ведь не проходит. Надо что-то делать, пока он не начал лгать. Пока не стал тяготиться мной. Этого я не выдержу.

Я почувствовала его запах. Он опять подошёл своей походкой пантеры позади и набросил свои мягкие лапы мне на плечи, коснулся носом макушки и прошептал мне в голову: «Здравствуй, моя радость». Мне кажется, что с его лап сквозь мои плечи опустился огромный тяжёлый, но драгоценный камень и придавил лёгкие и солнечное сплетение. Я не смогла ничего ответить.

Ночь №6

Я собиралась на интервью к часовщику. За окном стояла апрельская теплынь, и воздух был прозрачный и по-весеннему лёгкий. Ароматные почки предвещали чудесные взрывы в скорейшем времени, а трава набиралась смелости для того, чтобы стать, наконец, зелёной. Асфальт ничем не выдавал дорожных подвохов, а пыль на обочине изредка возмущалась, когда незадачливая машина задевала её протёртой шиной.

Время как-то неожиданно перескочило полдень и остановилось приблизительно в районе четырёх часов дня. Мне это не понравилось: опаздывать на интервью к часовщику – дело щекотливое.

Машина быстро донесла меня до нужного места (что-то я не припомню дороги), к двери, выполненной в старинном английском стиле. Чуть отдышавшись, моя рука толкнула её. Приглушенный свет спускался по пыльным лучам на деревянный пол с таинственными расщелинами между досок. Большие напольные часы стояли в разных местах и угрюмо тикали, словно укоряя меня за то, что я пришла и нарушила их мир и покой. Стол с бумагами, который, вероятно, служил для приёма заказов и расчёта был слегка зеленоват, пылен и излучал теплое сияние дерева. По стенам висели часы самого разного вида: от крошек с тремя циферблатами, которые наверняка должны были обосноваться на руке и по ошибке забрели на стену, до огромных, размером с тракторное колесо часищ, должно быть, они сбежали с вокзала. Всё здесь было необычно для меня и очень приятно. Разноголосое тиканье, диапазоном от визгливого и возмущённого до нежного и шепчущего создавало забавный складный ансамбль. Все ждало появления хозяина. Как только я подумала о том, что пора бы ему выйти, ведь после того, как скрипнула входная дверь, прошло около минуты, я услышала шаги. Из вежливости он не стал появляться сразу, а дал мне время освоиться в его царстве.

Он оказался совершенно таким, каким я его и представляла: старый человек, светящиеся голубые христовские глаза, смеющиеся и излучающие морщинки, светлая пушистая

борода, сладкой ватой обрамлявшая худое лицо. Удивительно красивые руки. С длинными пальцами и овальными крепкими чистыми ногтями. Пальцы тонкие с выпуклыми костяшками и суставами. Слегка согнуты безымянный палец и мизинец.

Белая льняная рубаха прикрыта чёрным широким жилетом. На шее висят закрытые часы-кулон, потёртые и тускло сияющие. Мне понравились. Хозяин подошёл слегка сутулясь и подал руку.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, я тебя ждал, проходи, пожалуйста. Чаю.

– Спасибо, нет-нет.

– Разве я спрашивал? Попьем чаю. Время со мной летит незаметно.

– Не сомневаюсь, ведь у вас такая профессия.

– Хочешь, чтобы я рассказал что-нибудь о профессии?

– Очень.

– Ты пей чай, а я буду рассказывать. Только ты меня останавливай вовремя – я очень болтлив.

– Я тоже, так что я к вам надолго. Тем более, у меня к вам столько вопросов.

– А тебе часто задают вопросы те люди, у которых ты берёшь интервью?

– Нет, у них другая цель.

– Можно я задам парочку?

– Конечно, я люблю вопросы.

– Не боишься? – он сказал это посмеиваясь, как бы в шутку.

– После такого вопроса мне сразу стало не по себе.

Часовщик улыбнулся, усадил меня на мягкий стул перед маленьким-маленьким круглым столиком, с которого, как только хозяин отошёл, я сдула толстый слой пыли. Оказалось, что по периметру стола вырезан искусный орнамент (он очень напоминал тонкие рисунки моей однокурсницы, у которой завитушки и симметричные фигуры, виньетки и мелкая графика получались просто превосходно). Я нагнулась, чтобы рассмотреть ножку стола, которая своим видом превзошла все мои ожидания. Тонкая с круглыми и ромбовидными переходами и украшениями она заканчивалась (или начиналась) тремя подпорками-разветвлениями. Когда мой взгляд скользнул чуть выше ножки, глаза сфокусировались на удивительном камине неподалеку. Правда весенним теплым днем он чинно покоился.

– Я и забыл, что мой стол с орнаментом. Давно не навещал его, – сказал часовщик и опустил на столешницу серебряный поднос, на котором стояли длинный металлический чайник, две чашки с блюдцами и небольшая вазочка с пухлым печеньем ванильного цвета, – надеюсь, ты сможешь пить чай без сахара? Я не держу такого добра.

– Конечно.

– В жизни каждого человека есть то, что хочется исправить. У тебя есть такие моменты?

– Думаю, я не исключение.

– А если бы это было возможно, ты бы воспользовалась случаем?

– Нет.

– Точно?

– Наверняка.

– Почему?

– А вы бы изменили?

– Сначала твой ответ.

– Потому что я считаю, что всё, что произошло по какой-то причине в моей жизни, должно было произойти. Всё это – череда последствий разных моих поступков. Не было бы чего-то одного, и вся пирамида бы рухнула. Сейчас я бы не была уже собой.

– Я изменял свою жизнь много раз.

– Как же?

– Ты веришь в чудеса?

– Сначала ваш ответ.

– Наши ответы – одно и то же.

– Да, я верю в чудеса. Я думаю, они вокруг нас.

– Природа, люди, поступки?

– Да.

– А тогда волшебство?

Как ни странно, после этого вопроса мне не стало не по себе. Я поднесла чашку ко рту и вдохнула свежий аромат. Там определенно была мята, а я обожаю напитки, в которых есть мята. Вкус чая был необычным, тающим во рту, медово-мятно-базиличным. Или мне так показалось.

– Верю, иначе бы люди не говорили об этом так много.

– И правда.

– Вы тоже верите?

– И не только верю.

– Практикуете?

– Я же часовщик.

– Вот именно. Вы путешествуете во времени. Можете изменять то, что не нравится вам в вашем прошлом?

– Какую погоду ты любишь?

– Больше всего я люблю осень.

– А снегопад?

– Да, мягкий, укутывающий, ласковый.

– Оглянись к окошку.

Я выполнила эту просьбу. За окном медленно падал снег.

– Опять «зима недаром злится»? Это уже не очень приятно – апрель подходит к концу, а тут – такое. Только недавно всё окончательно растаяло.

– Подойдём поближе?

Мы пошли смотреть за окно. Там пухли огромные сугробы, словно вкусное печенье на подносе. К мастерской часовщика была протоптана тропинка. Люди шли медленно, поддаваясь томной ласке ленивого снегопада. Они были одеты по-зимнему.

– Вот это сюрприз!

– Удивлена?

– Не то слово.

– Это зима 2009 года. Хочешь изменить её?

– Неужели 2009? Вот это да! Это была прекрасная зима. Не хочу ничего менять.

– Ты уверена?

– Думаете, я должна поменять что-то?

– Я ничего не знаю о твоей жизни.

– Почему тогда вы перенесли нас именно в это время?

– Потому что эта зима – моя любимая.

– Вы каждый раз переживаете её по-новому?

– Давно забросил это дело.

Я помолчала. Перемена года удивила, но мне было приятно находиться в зимнем 2009 году. Снова находиться. В это время я в другом городе наверняка играла в снежки с нашей школьной компанией. А может, изображала Белоснежку на катке. Или сидела дома, пила чай и читала то, что обычно читают люди в шестнадцать лет.

– Что произошло этой зимой?

– Это был последний год, когда моя жена была ещё здесь.

– Что вы пытаетесь изменить?

– Ничего.

Я молчала. Это была слишком личная тема.

– Я могу быть в этой зиме только час, и каждый раз я подгадываю время, чтобы побыть с ней ещё, и не встретиться у неё в гостях с самим собой.

– Вы давно не виделись?

– Я вижусь с ней каждый день.

– Этой зимой?

– Ты хочешь узнать, почему я не вижусь с ней в том времени, когда мы с тобой встретились?

– Если честно, то не знаю, хочу ли я узнать, почему это происходит.

– Вот и правильно. Почему ты не спрашиваешь, когда мы вернемся назад?

– Потому что я не думаю, что мы останемся в этой зиме навечно.

– Доверяешь мне?

– Просто вы меня перенесли в эту зиму без моего ведома, поэтому вся ответственность за путешествие лежит на вас.

– Доверяешь?

– Ещё сюрпризы?

– Сначала твой ответ.

– Да. Доверяю. Вы добрый.

– Тогда ещё сюрпризы. Я дарю тебе эти часы.

– Они мне не нужны.

– Именно поэтому.

– Вы хотите остаться здесь?

– Да, хочу стать нормальным человеком.

– Вы же из будущего, как?

– Я похож на глупца?

– Всё равно не по себе.

– Эти часы – очень соблазнительная вещь. Будь с ними осторожна.

– Я всё равно не буду их использовать. Может, я их спрячу потом?

– Это твое дело, распоряжайся как тебе захочется. Тебе пора.

Я улыбнулась, принимая в руки те красивые часы, которые висели у часовщика на шее. Я повесила их на свою шею. Они были теплыми и согревающе тикали в районе солнечного сплетения.

– Удачи вам.

– Ты не спросишь, как ими пользоваться?

– Очень надеюсь, что для того, чтобы я смогла вернуться домой, вы всё сделали.

– Ты не спросишь, почему именно ты?

– Вы же сказали, что ждали меня.

– Правильно.

– Мы больше не увидимся?

– Не знаю. Не знаю, сколько я проживу без часов.

– Тогда будьте счастливы, я думаю, вы всё продумали. Всё будет хорошо.

– Прощай.

Я села за столик, а мой странный собеседник надел чёрное зимнее пальто и обернувшись перед дверью, вышел в зиму 2009 года.

Чай был всё так же горяч, издавал аромат, но почему-то зима не желала смениться апрелем. На часах было 15:58, поэтому я была спокойна. Они всё также мирно тикали и отдыхали, мне кажется, они привыкли к моему присутствию. Я откусила кусочек печенья. «Он же сказал, что мне пора. Почему всё ещё зима? Может, зря я не спросила, как выбраться отсюда? Может, он ошибся в расчетах? Вдруг, я останусь здесь? Почему я ему поверила? Это так странно. Я была в апреле, а теперь – зима. А если мне придется проживать эти годы по—другому? Меня же могут узнать. Где я буду жить? У меня ничего с собой нет. Документы…»

Часы пробили 16:00, из одних настенных часиков даже выскочила кукушка. Я посмотрела за окно – зима. Зажмурилась. Просидела так десять вздохов. Открыла глаза – зима. «Нет, это уже не нормально». И тут дверь начала лениво и скрипуче открываться. Я вжалась в стул. Время стало течь очень медленно. В моей голове пронеслось семьсот мыслей по поводу того, кто пришёл, но это оказался часовщик.

– Испугалась?

– Мне придется жить здесь?

– Да, – спокойно сказал часовщик, а мои глаза стали размером с вокзальные часы, – Целый час.

– Слава богу.

– Тогда, может, интервью?

– Я думаю, что редакция ошиблась, и назначила мне интервью только ради вас.

– Почему?

– Вы сказали, что ждали меня. Как ваша жена?

– Прекрасно. Время…

– Удивительная вещь.

– Точно. Ах, нет, тебе пора. Прямо сейчас. Прощай.

– Прощайте.

Зажмурилась. Открыла глаза и никогда ещё не была настолько рада апрелю. Я вышла из обители часовщика и решила прогуляться по мосту. Шла над кипучим Енисеем, он сегодня как-то слишком торопился – наверное, стал больше ценить время. Думаю, ему нужно побольше часов и минут. Я сняла красивые часы с шеи и быстро отпустила их над густой водой. Они летели 45 метров, а потом познакомились с самой красивой и могучей рекой России.

Ночь №7

фото Анны Медведевой с МК Сергея Сараханова

Я открыла глаза и увидела темноту сквозь пальцы моей руки, прикрывшей лицо. Лежу на животе и стараюсь не шевелиться – нужно сориентироваться и решить, что делать. Голова удобно расположилась на подушке, от которой исходит аромат свежевыстиранной наволочки. Тело накрыто хлопчатобумажной простыней или пододеяльником, чем-то лёгким, правая нога оказалась неприкрытой, и её мучит чувство осиротелости, пока левая томно нежится в тепле простынного вакуума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.